

XX $\frac{28}{6}$

ЖАВОРОНОКЪ

ДѢТСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

1913 г.

Мюллеръ Курцели.

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЬ.

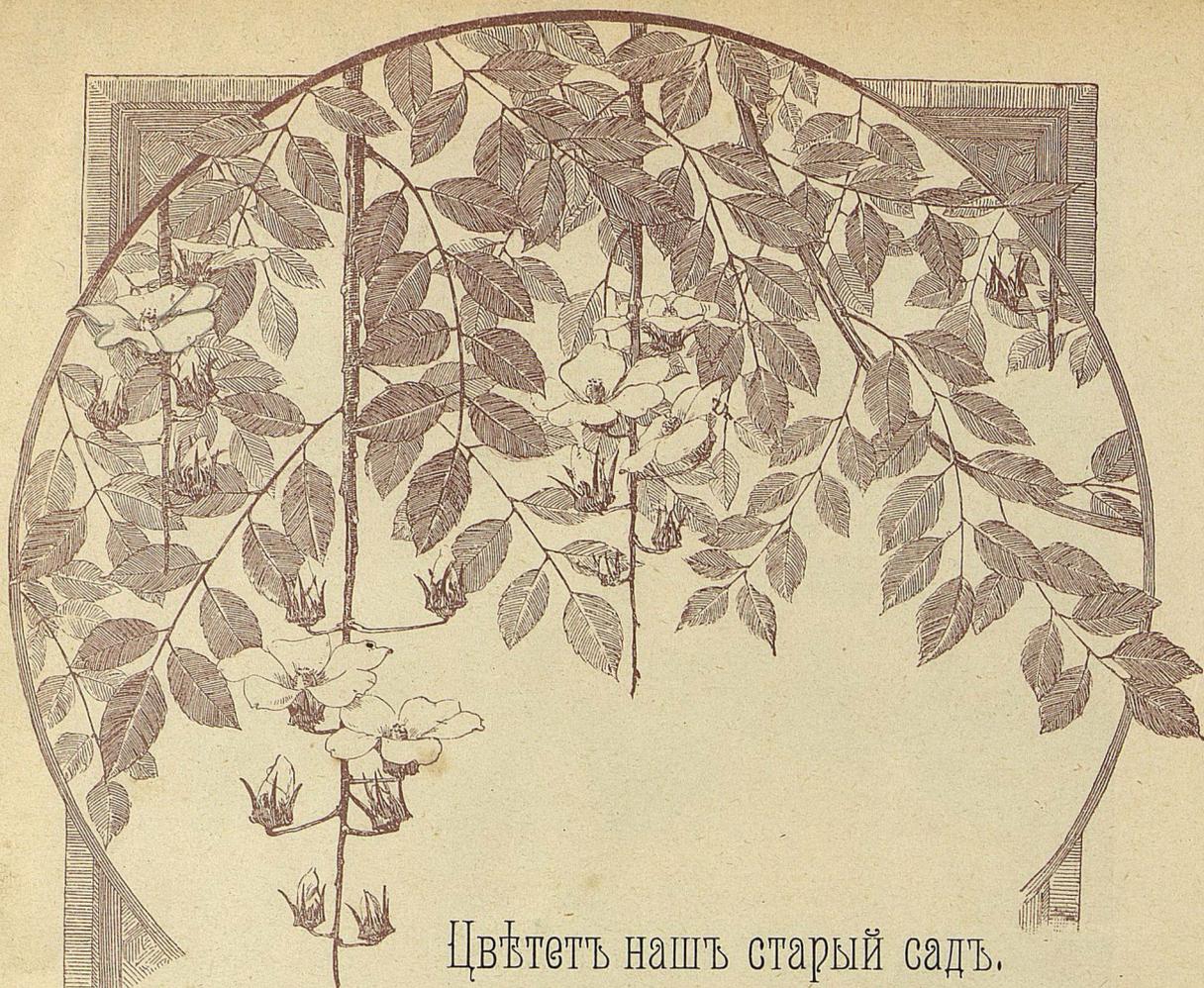
Зимний вечер

Жаворонокъ.

Перуджини.

БАБОЧКИ.

Цвѣтетъ нашъ старый садъ.

Цвѣтетъ нашъ старый садъ, веселый и нарядный.
Ложится на балконъ отъ липъ вѣтвистыхъ тѣнь.
Гляжу, какъ, межъ деревъ, сынокъ мой ненаглядный,
Какъ рѣзвый мотылекъ, порхаетъ цѣлый день.
То строить изъ песку онъ крѣпости и башни.
Наскучила игра,—ну, больше не могу.
Я буду мужичекъ; дорожки будутъ пашни;
Я, няничка, тебя, лошадкой запрягу.

— Стара я, батюшка, чтобъ быть тебѣ лошадкой:
Уморишь ты меня, безстыдникъ, къ вечеру.
Вотъ видишь бугорокъ. Сравняй его лопаткой,
А я тутъ посижу, въ тѣни, на холодку.
Равняетъ онъ песокъ упорно и прилежно,
Малютку моего тревожить тишина,
Онъ смотритъ: няня спитъ, платокъ упаль небрежно,
И мамочка ушла куда-то отъ окна.
А вдругъ придетъ Кошей, худой такой, косматый,
За тридевять земель съ собою унесетъ.
Никто не будетъ знать. И, ужасомъ объятый,
Ребенокъ мчится въ домъ; меня къ себѣ зоветъ.

— Что надобно тебѣ, мой милый шалунишка?
А ручки отчего холодныя, какъ ледь?

— Ахъ, мамочка моя,—лепечетъ мнѣ сынишка,—
Вѣдь, насъ съ тобой вдвоемъ Кошей не унесетъ?!

Наталія Грушко.

Морганъ.

СЪ ПОЛЯ.

Какъ гулялъ слонъ Зембо.

Разсказъ А. Куприна.

Слону Зембо было около 290 лѣтъ, можетъ быть, немного больше, можетъ быть, немного меньше. Во всякомъ случаѣ онъ едва-едва и только лишь въ дремотѣ по утрамъ вспоминалъ, какъ его ловили въ Индіи, какъ его перевозили на пароходѣ, по желѣзнымъ дорогамъ и въ громадныхъ желѣзныхъ клѣткахъ на колесахъ, какъ у Гагенбека въ Гамбургѣ его приучали къ тому, чтобы кончикомъ хобота брать хлѣбъ изъ рукъ человѣка, подымать съ земли мелкія монеты и сажать осторожно къ себѣ на спину сторожа, и какъ, наконецъ, опять его моремъ и сухопутьемъ привезли сюда, на окраину просторной холодной Москвы и помѣстили въ сараѣ за желѣзную рѣшетку, какъ разъ напротивъ слонихи, шагахъ въ двадцати отъ ея рѣшетки. Самка его Нелли, которая была моложе его лѣтъ на 50—75, была вывезена изъ Замбези, но она

сдохла въ тяжеломъ климатѣ, а, можетъ быть, и отъ невнимательнаго ухода. Прожила она въ заключеніи около пятидесяти лѣтъ, видясь разъ въ годъ, весною со своимъ мужемъ, но приплоду у нихъ не было, потому что въ неволѣ слоны никогда не размножаются. Ее анатомировалъ знаменитый профессоръ зоологіи Смирновъ. Онъ нашель у нея около 45-ти болѣзней: аппендицитъ, эмфизему легкихъ, суставной ревматизмъ, склерозъ артерій, тяжелое поврежденіе позвонковъ спиннаго хребта, почечный нефритъ, аневризмъ сердца и т. д.

Надо сказать, что людей, послѣ смерти Нелли, Зембо не любилъ. Нерѣдко въ калачахъ, которые ему давали, попадались булавки, гвозди, пустыя коробки отъ спичекъ и камни, шелопаи пугали его внезапно раскрытыми зонтиками, пускали ему нюхательный табакъ въ хоботъ. И часто акцизный надзиратель, вода въ праздникъ свою жену, свояченицу и племянницу по зоологическому саду, отличался передъ ними храбростью, щелкалъ бѣднаго Зембо ногтемъ по носу или соваль ему въ ноздри зажженную сигару, но благополучно уходилъ, когда Зембо высовывалъ изъ загородки свой хоботъ, которымъ онъ могъ бы убить не только человѣка, но и льва. Однако же, его исполинская великодушная слоновая натура не выходила изъ равновѣсія. Онъ лишь запоминалъ, со свойственной слонамъ остротою памяти, своихъ мучителей, прекращалъ съ ними всякое знакомство и никогда въ присутствіи ихъ не высовывалъ хобота изъ-за рѣшетки. Зато были у него и настоящіе друзья, особенно изъ дѣтей. Ихъ онъ встрѣчалъ радостно, трубилъ, раззѣвалъ широко свой смѣшной треугольный мохнатый ротъ и дулъ имъ въ лица изъ ноздрей своимъ теплымъ, сильнымъ, пріятнымъ сѣннымъ дыханіемъ. Онъ былъ безконечно кротокъ и вѣжливъ ко всему маленькому, къ насѣкомымъ, къ звѣрькамъ. Кто-то однажды догадался пустить къ нему въ клѣтку кроликовъ, которые не замедлили расплодиться въ несмѣтномъ количествѣ. Эти маленькіе грызуны крали у него траву, зерно, хлѣбъ и сѣно, грязнили его питьевую воду и часто, взбираясь своими цѣпкими лапками на его ноги, щекотали громаднаго Зембо до судорогъ. Однажды они до такой степени расщекотали его самое чувствительное мѣсто, подъ колѣномъ правой ноги, что онъ сдѣлалъ ею нечаянное неловкое движеніе и наступилъ на кролика. вмѣсто милаго рѣзваго блага звѣрька осталось на землѣ круглое красное пятно и въ немъ немного волосъ. И слонъ двое сутокъ волновался и безпокойно трубилъ и фыркалъ, пока служащій не замылъ пятно изъ пожарной трубы.

Привязанъ былъ онъ къ маленькой тумбочкѣ небольшой цѣпью. Ухаживалъ за нимъ татаринъ Меметь Камафутдиновъ, и они были настоящіе друзья.

Но вотъ однажды ему пришло въ голову прогуляться. Въ Москвѣ наступила весна. Расцвѣли желтые одуванчики, золотые лютики, синяя вероника. Въ это время во всемъ Зоологическомъ саду былъ безпорядокъ. Хорьки, дикобразы, куницы, пумы, всѣ жаждали любви и страстно метались въ своихъ клѣткахъ. Запахло землей, березовымъ листомъ и травами.

И тогда-то, жадно принюхиваясь нѣсколько дней къ воздуху, Зембо вдругъ догадался, что цѣпь на его задней правой ногѣ совсѣмъ его не связываетъ. Онъ потянулъ ногу и разрушилъ сразу все человѣческое сооруженіе. Разорвалъ цѣпь, опрокинулъ тумбочку, къ которой онъ былъ привязанъ, разбилъ головой клѣтку и ушелъ.

Онъ обошелъ вечеромъ весь зоологическій садъ побѣдной, торжествующей походкой, и все время высоко поднятый хоботъ Зембо трубилъ радост-

ную пѣсню, понятную каждому животному: «Празднуйте, веселитесь, любите другъ друга, славьте пѣснями и плясками весну!». И въ отвѣтъ ему взволнованно рычали львы, клектали орлы, гоготали и свистѣли на прудахъ птицы, мычали буйволы и граціозныя нѣжныя лани провожали его влажными глазами.

Медленно, вѣжливо вышло это огромное животное изъ звѣринца и прошло въ открытыя двери, стараясь никого не раздавить. Въ это время цвѣла сирень и ея нѣжный, сладкій запахъ дѣлалъ людей и животныхъ безумными. Но мудраго Зембо не покидала привычная кроткая осторожность. Онъ деликатно перешагнулъ черезъ цѣлую компанію красныхъ букашекъ, связавшихся цѣпью на дорожкѣ, не тронувъ изъ нихъ ни одной, а, столкнувшись въ воротахъ сада съ барышней-кассиршей, учтиво далъ ей дорогу и въ знакъ привѣтствія такъ сильно дохнулъ ей въ лицо, что совсѣмъ сбиль и растрепалъ ея модную прическу.

Слону хотѣлось только размяться. Онъ подошелъ къ будкѣ городского (а въ то время въ Москвѣ еще были на площадяхъ будки для городскихъ, отчего и сами городовые прозывались будочниками). Изъ открытой форточки уютно и нѣжно пахло хлѣбомъ, чаемъ, махоркой и виномъ. Добродушно, со свойственной ему привычной ловкостью, онъ просунулъ хоботъ въ форточку, взялъ со стола теплый Филипповскій калачъ и проглотилъ его.

Дальше его приключенія мало достовѣрны. Утверждаютъ, что на Тверскомъ бульварѣ отъ него бѣжали гурьбой студенты, говорятъ, что онъ взвалилъ себѣ на спину маленькую дѣвочку и она отъ радости хохотала, говорятъ, что, нѣжно обвивши хоботомъ какого-то гимназиста-приготовишку, онъ посадилъ его на самый верхъ дерева къ его необузданному восторгу, говорятъ, что онъ хоботомъ вырвалъ съ корнемъ молодую липу... Можетъ быть, это правда, а можетъ быть не правда, за истину я ручаться не могу.

Но уже о необыкновенномъ путешествіи слона было дано знать полиціи.

Тверская часть примчалась въ полномъ составѣ. Бѣднаго Зембо, который никому не дѣлалъ зла, начали поливать изъ брандспойта. Онъ этому очень обрадовался, потому что всегда любилъ купанье; съ искренней радостью онъ поворачивался то правымъ, то лѣвымъ бокомъ, и его маленькіе глаза ласково щурились. «Чудесная погода, отличный воздухъ и... какой славный душъ»...— добродушно ворчалъ Зембо, свивая и развивая свой хоботъ.

Но все гуще и гуще собиралась около него толпа, и Зембо ужъ началъ чувствовать смутное безпокойство. Но вдругъ выступилъ господинъ въ черномъ сюртукѣ и блестящей черной шляпѣ. Зембо давно его зналъ и благоволилъ къ нему за ласковое отношеніе; это былъ директоръ зоологическаго сада. Въ рукахъ онъ держалъ такую большую булку, какой слонъ еще никогда не видывалъ, и отъ нея чертовски вкусно пахло душистымъ перцемъ и крѣпкимъ ромомъ.

— О-о-ого, Зембо, — вкрадчиво приговаривалъ директоръ и протягивалъ ему на вытянутой рукѣ большой кусокъ лакомства. Слонъ, наконецъ, рѣшился попробовать и, отправивъ булку въ ротъ, признательно закивалъ головой: «необыкновенно вкусная штука», — сказалъ онъ, — «я ничего подобнаго не ѣлъ въ жизни». Но за вторымъ кускомъ ему пришлось пройти шаговъ тридцать, за третьимъ — перейти черезъ улицу, а четвертымъ его заманили въ какой-то длинный узкій проходъ безъ окошекъ и безъ дверей. И тутъ онъ еще не успѣлъ придти въ себя отъ изумленія, какъ почувствовалъ, что его хоботъ, шея и всѣ

четыре ноги были уже обхвачены, скручены и связаны стальными и пеньковыми канатами. Онъ рухнулъ на землю. Пять паръ бѣсившихся, вспѣнныхъ лошадей выволокли его изъ тупика опять на мостовую. Сотни людей и десятки лошадей заставили его подняться и весь скованный, обезсиленный онъ покорно вернулся въ свою тюрьму. Только теперь желѣзная рѣшетка была вдвое толще и ужъ не одна, а двѣ массивныхъ якорныхъ цѣпи привязали его за одну переднюю и за одну заднюю ногу. Съ этого дня кротость, великодушіе, вѣжливость совсѣмъ покинули громадную душу слона и въ ней жили только гнѣвъ и мщеніе. Теперь онъ поистинѣ сталъ страшень. Его кровавые глаза горѣли бѣшенствомъ. Днемъ и ночью, почти не переставая, онъ ревѣлъ, и къ этимъ крикамъ негодующаго царя въ молчаніи и съ ужасомъ прислушивался весь звѣринецъ. Публику уже перестали пускать въ сарай, потому что видъ людей приводилъ Зембо еще въ большую ярость. Одинъ Меметъ Камафутдиновъ отваживался входить къ нему, чтобы перемѣнить воду и дать новаго корму. Но дружба между ними окончилась. Слонъ только презрительно терпѣлъ татарина; на всѣ его нѣжные, трогательные и убѣдительные разговоры онъ отвѣчалъ отрывистымъ и почти враждебнымъ крикомъ: «Уйди, сдѣлалъ свое дѣло, и уйди, не хочу тебя: ты тоже человѣкъ».

Съ каждымъ днемъ его ярость росла. Ничто не помогало: ни холодные души, ни мѣшки со льдомъ на затылокъ, ни бромъ, примѣшиваемый къ питью. Однажды, въ жаркій полдень слону удалось, наконецъ, расшатать и вырвать изъ стѣны огромное кольцо, прикрѣплявшее цѣпью его заднюю ногу. Испуганный татаринъ побѣждалъ доложить объ этомъ по начальству и черезъ нѣсколько минутъ предъ рѣшеткой собралась густая толпа народу. Слонъ, обвившись хоботомъ вокругъ желѣзныхъ брусевъ и передавъ все свое исполинское тѣло на лѣвый бокъ, дѣлалъ неимоверныя усилія, чтобы вырвать изъ стѣны второе кольцо, удерживавшее его правую ногу. Его тотчасъ же окатили изъ рукава холодной водой: это на минуту укротило его свирѣпость. Онъ оставилъ въ покоѣ рѣшетку и, настороживъ свои аршинныя уши, внимательно и злобно глядѣлъ на людей.

— Другого средства я не вижу,—сказалъ дежурный ветеринаръ и тотчасъ же очень ловко продѣлалъ во французской булкѣ маленькую дырочку и быстро указательнымъ пальцемъ вытащилъ изъ нея почти весь мякишъ. Потомъ онъ всыпалъ въ отверстіе около четверти фунта ціанистаго кали, задѣлалъ дырку и полилъ булку патокой съ виномъ.

— Ну, бѣдный Меметъ,—сказалъ директоръ,—иди, угости въ послѣдній разъ своего пріятеля.

— Она, баринъ, добрій,—возразилъ Меметъ.— И по его сморщенному, старушечьему бритому лицу покатались слезы.

— Иди, иди, нечего.

Слонъ не сразу взялъ булку, онъ долго недовѣрчиво ее обнюхивалъ, но все-таки взялъ. Кругомъ зацелкали кодаки и затрещалъ кинематографъ. Минуты съ четыре Зембо стоялъ неподвижно, точно изумляясь чему-то; потомъ вдругъ издалъ рѣзкій крикъ отчаянія, боли и смерти.

Онъ долго неустойчиво качался, передавая свой громадный вѣсъ съ переднихъ ногъ на заднія. И вдругъ повалился на лѣвый бокъ, увлекая въ своемъ паденіи цѣпь отъ передней ноги и вырванное изъ стѣны тяжелое кольцо съ полуаршиннымъ болтомъ.

Тѣмъ и кончилась его прогулка.

А. Курринъ.

Вотъе.

СТРАШНЫЙ ГОСТЬ. *Николай Погодин*

ВЕСНОЙ.

Мой милый ребенок! Весною
Не надо болѣть и грустить!
Дай руку, опушкой лѣсною
Попробуй со мной побродить...
Вот видишь зарянка хлопочетъ
Надъ гнѣздышкомъ старымъ своимъ.
Съ супругомъ бесѣдуетъ. Хочетъ
Заняться починкою съ нимъ.
Какая серьезная дама!
Какой озабоченный видъ!
Вотъ дятель носатый упрямо
Подгнившее древо долбитъ.
Стучи, барабанщикъ, смѣлѣ!
Гони паразитовъ червей!
И я, отъ веселья хмелья,
Махаю дубинкой своей...
Стучи имъ и съ фланга и съ тылу!
„Спасайся, кто можетъ!“ — кричи...
А вотъ на осину-верзилу
Станицей разсѣлись грачи —
Народъ этотъ пѣть не умѣетъ,
Хоть клювъ у иного что пестъ.
Онъ тоже не жнетъ и не сѣетъ,
И все-таки здорово ѣстъ.
Однако, пора намъ проститься,
Мой милый ребенок! Не плачь.
Желаю, какъ дятель, трудиться,
А есть за обѣдомъ, какъ грачъ!

Ал. Будищевъ.

Кладъ.

Разсказъ С. И. Гусева-Оренбургскаго.

Окончаніе.

III.

Время шло...

Время бѣжало!..

Онъ не замѣчалъ времени.

Онъ не могъ бы сказать: день ли, часъ-ли, мѣсяць-ли, годъ-ли рубилъ онъ, какъ будто минута прошла съ тѣхъ поръ, какъ онъ пришелъ сюда и какъ-будто цѣлая вѣчность!.. Только груды камней говорили о томъ, какъ онъ много поработалъ. И чѣмъ болѣе рубилъ онъ, тѣмъ болѣе увлекался работой...

Вдругъ... незамѣтно... но чѣмъ долѣе, тѣмъ сильнѣй—странная истома стала сковывать усталостью его члены. Какъ-будто голова закружилась!.. Онъ присѣлъ,—отдохнулъ и вновь принялся за работу... Но кайло показалось ему тяжелымъ!.. Руки болѣли въ плечахъ, въ кистяхъ... Онъ взглянулъ на нихъ:—какія они сухія, желтыя стали!.. Неужели онъ такъ утомился, что даже поху-дѣлъ отъ работы?.. Онъ опять принялся колотъ и бить... Но вскорѣ колѣнки стали дрожать у него, въ глазахъ замутилось. Онъ бросилъ кайло, легъ и долго лежалъ.

А потомъ, когда хотѣлъ подняться, ощутилъ еще большую слабость:—едва могъ двигаться, шевелиться...

— Усталъ!—сказалъ онъ:—довольно!.. Будетъ!.. Теперь я—Крезъ, я—богачъ!..

Въ сердце его поселилась какая-то томительная усталость...

— Много!.. Не унести всего!..—размышлялъ онъ, пойду теперь домой.

Найму рабочихъ... много, много... И мы перенесемъ эти сокровища въ страннныя кладовыя... Но что со мной?..

Онъ всталъ, чтобы идти.

Ноги его не слушались.

— Какъ я усталъ!—размышлялъ онъ.

Онъ наложилъ полный мѣшокъ драгоценныхъ камней, набралъ ихъ полные карманы,—размѣстилъ куда только могъ... потомъ, взваливши мѣшокъ на спину, пошелъ, съ трудомъ переступая разболѣвшимися ногами. Пройдя мрачные переходы коридоровъ и шахтъ,—онъ выбрался, наконецъ, въ пещеру и вышелъ на дно воронкообразной пропасти.

Кто-то столкнулся съ нимъ при входѣ...

Ему почудилось чье-то угрюмое лицо съ черными кудрями и черными глазами, лицо, какъ будто такое знакомое и недавно милое... Но онъ не успѣлъ разсмотрѣть его...

Онъ торопился...

Сердце его размякло...

Ему вспомнилась молодая жена и чернокудрый малютка...

— Она плачетъ, тоскуетъ?..—думалъ онъ.—О, теперь-то я сдѣлаю ее счастливой!.. Я сдѣлаю ее царицей!.. Она будетъ ходить въ прекрасныхъ одеждахъ и сверкать брилліантами въ залахъ королевскихъ дворцовъ!

Было далеко за полночь, когда онъ пришелъ въ родную слободку.

Онъ смотрѣлъ и... не узнавалъ ее!..

По-прежнему мрачно смотрѣлъ заводъ съ высокаго нагорья, еще мрачнѣе, казалось, стали его стѣны, а окна смотрѣли, какъ глазныя впадины тѣхъ череповъ, которые онъ видѣлъ въ подземельѣ... Съ удивленіемъ увидѣлъ Желѣзнякъ, что рядомъ съ этимъ заводомъ стояло еще три новыхъ громадныхъ завода, еще выше, еще мрачнѣе!.. Гигантскія трубы ихъ, казалось, убѣгали къ самому небу...

Не узнавалъ онъ и слободки!.. вмѣсто одной улицы, какъ было прежде, стало теперь болѣе десятка улицъ... Все новые, незнакомые дома!.. Гдѣ-же его веселенькій флигелекъ?! Напрасно онъ искалъ его глазами...

У него болѣзненно сжалось сердце въ какомъ-то мрачномъ предчувствіи.

Но вдругъ онъ увидѣлъ вдали свой флигелекъ.

Да, это онъ!..

Краска его давно слиняла, покосился онъ... Провалилась мѣстами крыша и покрылась мхомъ... На землѣ лежатъ ступени крылечка... Въ палисадникѣ, вмѣсто орѣшника и сирени, выросли деревья, на которыхъ галки успѣли свить гнѣзда!..

— Неужели я такъ долго ходилъ?..—спрашивалъ онъ себя съ замирающимъ сердцемъ.

И робко взойдя по скрипучему крылечку,—онъ постучалъ въ дверь...

Кто-то со стономъ прошелъ по колеблющимся половицамъ коридора...

— Кто тамъ?..—спросилъ болѣзненный голосъ...

Этотъ голосъ онъ сразу узналъ...

— Катя!..—говорилъ онъ,—отвори... Это я... Павелъ!

Кто-то вскрикнулъ тамъ...

Дверь распахнулась...

Вся дрожа, стояла на порогѣ сѣдая старушка.
— Павелъ!.. Ты!..—говорила она, цѣпляясь за его одежду трепещущими руками.—Наконецъ! О, я знала, что ты вернешься!.. Я ждала тебя!.. Я сердцемъ угадала, что тебя увель Духъ Горь туда... туда-же... куда онъ увель и нашего сына...

У ней текли слезы по морщинистымъ щекамъ...

— Что съ тобой?!—закричалъ онъ въ ужасѣ:—я не узнаю тебя!.. Ты больна?..

— А съ тобой?—спросила она печально...

И она повела его въ горницу, подвела его къ зеркалу...

Онъ взглянулъ...

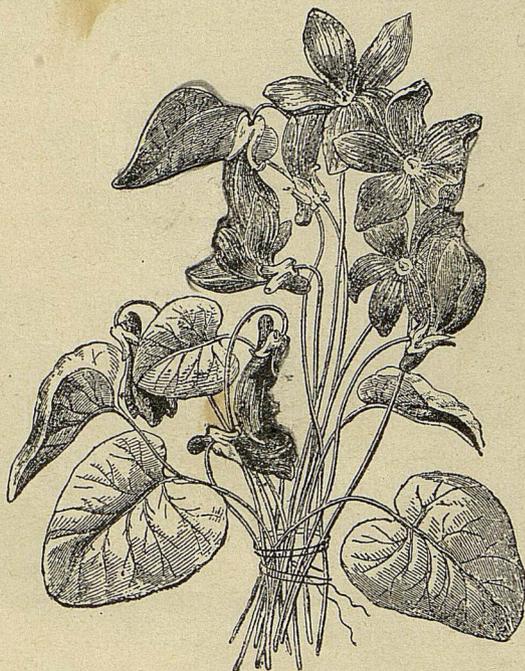
Мѣшокъ выпалъ изъ рукъ его...

Бриллианты, аметисты, рубины рассыпались, покатались по полу,—прыгая, звеня и стуча...

Но онъ не бросился подбирать ихъ...

На него, съ ужасомъ во взглядѣ—смотрѣлъ изъ зеркала дряхлый старикъ съ сѣдой трясущейся головой, потухшимъ взоромъ и беззубымъ ртомъ...

С. Гусевъ-Оренбургскій.

БУКЕТЪ ФІАЛОКЪ *).

Найдите среди цвѣтовъ этого букета силуэты Наполеона I, его жены Маріи Луизы и ихъ сына.

*) Такіе букеты придуманы были приверженцами Наполеона I. Во время его изгнанія, во Франціи было не безопасно имѣть его портретъ, но почитатели бывшаго Императора желали видѣть его изображеніе и придумали нарисовать букетъ фіалокъ такъ, чтобъ между цвѣтами выдѣлялись профили Императора, его жены и сына.

Лустрианъ.

ВЫ КТО ТАКОЙ?

ПАМЯТИ НЯНИ.

Говорила няня: „Подожди, утихнетъ
Суета людская... Вотъ, когда закатъ
Огонькомъ на церкви—тамъ, за рощей—вспыхнетъ,
Знай, что къ намъ грѣховнымъ ангелы летятъ“.

Видѣлъ я ихъ! Помню: въ бликахъ тьмы и свѣта
Трепетъ легкихъ крыльевъ жутко различалъ.
Но спросилъ я: „Няня, а не тучки-ль это,
И не вѣтерокъ-ли въ рощу побѣжалъ?“

Ангелы! Не знаю... Ихъ ужъ мнѣ не видно,
Но другія сказки въ жизни слышу я...
Я имъ вѣрю, няня! Если жить не стыдно,
То не стыдно вѣрить сказкамъ бытія.

Арс. Цапкинъ.

ЕСТЕСТВОИСПЫТАТЕЛЬ.

Мана.

Разказъ Леона Фрапье.

то была большая собака смѣшанной породы. Она принадлежала странствующимъ торговцамъ корзинами. На ея глазахъ родилось четверо дѣтей, изъ которыхъ старшему было уже семь лѣтъ. Всего довольно выпадало на ея долю: ее любили и обижали.

Она была грознымъ сторожемъ и обладала такой силой и отвагой, что могла одержать верхъ надъ нѣсколькими людьми.

Любимое ея занятіе было присматривать за дѣтьми и покровительствовать имъ. Въ то же время она служила имъ игрушкой и предметомъ мученій.

При этомъ ревностномъ занятіи, ея безконечно высокія материнскія добродѣтели принимали образъ человѣческихъ, а ея хозяева поступали наоборотъ: отнимали у нея щенятъ и продавали ихъ, и она плакала въ уединеніи, какъ взрослые люди, и въ глазахъ ея читалась безутѣшная печаль.

* * *

Безконечные дожди причинили въ этомъ году много вреда нашимъ странникамъ. Случилось, что ось въ повозкѣ сломалась. Пришлось задержаться на дорогѣ далеко отъ всякаго жилища и испытывать страшныя лишенія.

Женѣ не удалось продать ни одной корзины, дѣти тщетно просили милостыни, въ полѣ нечѣмъ было поживиться, щенята Маны еще крошки. Можно было бы поголодать, но деньги были необходимы на починку оси.

Вдругъ на дорогѣ появился охотникъ. Онъ былъ высокаго роста, длинноногій, въ рыжихъ кожаныхъ штиблетахъ. Его рыжая борода и одежда, цвѣта ржавчины, дѣлали его похожимъ на древнее изображеніе сатаны.

Мана, окруженная рѣвющимися щенятами, была привязана къ дереву на толстой цѣпи; она заворчала на охотника, который шелъ смѣло, однообразно насвистывая.

Между тѣмъ охотникъ остановился пораженный, разглядывая животное и его дѣтей. Неожиданно онъ разразился громкимъ смѣхомъ.

— Послушай, любезный, почемъ щенята? Хочешь по десяти франковъ за штуку? Я хочу испробовать очень милое развлеченіе, образецъ котораго мнѣ пришлось видѣть за-границей на ярмаркѣ. Дѣло въ томъ, чтобъ изъ ружья убить щенятъ на глазахъ у матери. Пойдите, дайте мнѣ рассказать—у васъ какъ разъ есть необходимыя принадлежности. Мы запремъ жертвъ въ эту цыплячью клѣтку и поставимъ ее такъ, чтобъ необузданные скачки собаки отдѣляли ее, приблизительно, на сантиметръ. И, наконецъ, за четверыхъ, вмѣсто сорока франковъ, я предлагаю содержимое моего кошелька—четыре луидора.

Странствующіе мужъ, жена и дѣти возмутились такимъ варварскимъ предложеніемъ. Въ эту минуту они почувствовали любовь къ Манѣ, которая стояла отъ безпокойства, какъ будто нахмуренныя лица уже предупредили ее объ опасности.

Охотникъ былъ оригиналенъ. Отчаяніе семьи увеличивало его удовольствіе; онъ настаивалъ на своемъ, а неожиданная прибыль была такъ нужна, что пришлось принять условія, чтобы спасти семью отъ голода.

Странствующій торговецъ вдругъ согласился и получилъ золотыя монеты, странно оскалилъ зубы, на что кровожадный любитель напрасно не обратилъ большаго вниманія, чѣмъ на слова жалости.

Было тщательно провѣрено, какъ привязана Мана; щенята были заперты въ клѣтку. Собака послала страшную угрозу и дернула цѣпь. Это дало возможность опредѣлить нужное разстояніе—кончикъ носа собаки касался клѣтки.

Женщина запряталась въ повозкѣ, заткнувъ уши, чтобы не видѣть и не слышать происходящаго. Охотникъ зарядилъ ружье.

— Пойдите, пойте!—кричалъ торговецъ.

Онъ подошелъ къ своимъ мальчикамъ, стоявшимъ въ нѣсколькихъ шагахъ. Ни слова не говоря, онъ схватилъ старшаго, подвелъ къ повозкѣ и связалъ ему руки и ноги. Это была благоразумная предосторожность, такъ какъ ребенокъ сжималъ въ кулакахъ большіе камни, цѣлясь разбить голову незнакомцу.

Ужасная казнь была продолжительна. Охотникъ, желая стрѣлять на довольно большомъ разстояніи, нѣсколько разъ промахнулся, щенята волновались и звали мать. Всѣ было понадѣялись, что снарядовъ не хватитъ и удастся спасти хоть одного, но какъ разъ послѣднимъ патрономъ онъ убилъ и этого. Мана дѣйствительно представляла изъ себя ужасное зрѣлище. Въ то время, какъ охотникъ цѣлился, у нея шерсть становилась дыбомъ, пѣна шла изо рта, она испускала непрерывное рычаніе, хрипѣніе, всхлипыванія, въ которыхъ было что-то человѣческое, такъ же, какъ и въ выраженіи ея плачущихъ глазъ, въ ея дрожащихъ челюстяхъ. Обезумѣвшая женщина не сумѣла бы умолять убѣдительно: «Нѣтъ, нѣтъ! Остановитесь! Пощадите!»—слышалось въ ея крикѣ. Потомъ наступилъ приступъ возмущенія и тщетныхъ усилій: дикіе, безразсудные крики животнаго, которому хочется все разбить, убиться, настигнуть врага. Потомъ зловѣщее завываніе, раздавшееся далеко въ полѣ, отъ котораго у женщины и дѣтей надорвалось сердце.

— Какое злое животное! Это тигрица! Это львица!—сказалъ охотникъ, снова взявъ ружье черезъ плечо.

— Вы находите?—насмѣшливо спросилъ продавецъ.—Во всякомъ случаѣ, не похожа на васъ, не такъ-ли?..

Онъ сдѣлалъ перерывъ и продолжалъ съ неумолимой гримасой:
— Ну, теперъ извольте удирать, а то я отвязываю свою собаку.
Охотникъ вздрогнулъ, поблѣднѣлъ и пробормоталъ со страхомъ:
— Что-жъ это, что-жъ это! На помощь! Это убійство!

Мгновенно его блуждающіе глаза стали искать убѣжища со всѣхъ сторонъ, но никакого жилища не было видно. Онъ топалъ ногами, будто земля жгла ему пальцы, и лихорадочно щупалъ карманы, несмотря на увѣренность въ томъ, что у него нѣтъ ни денегъ, ни зарядовъ.

— Я вамъ дамъ расписку на сто франковъ, на тысячу фр..

— Нѣтъ,—сказалъ непоколебимый торговецъ,—довольно съ меня вашихъ денегъ, вы меня научили не уступать.

Мана нетерпѣливо, съ озлобленіемъ крутилась на цѣпи.

Охотникъ подскакивалъ на мѣстѣ, рвалъ на себѣ волосы, хотѣлъ, казалось, ухватиться за продавца.

Этотъ послѣдній, нахмуривъ брови, произнесъ окончательное слово:

— Хорошо, вотъ моя единственная уступка: я вамъ позволю опередить ее на триста метровъ, вонъ до того поворота, только бѣгите какъ слѣдуетъ, ну, скорѣе же, а тогда, конецъ—я ждать не буду.

Колебаніе было невозможно; охотникъ, бросивъ послѣдній взглядъ ужаса на покрытое пѣной животное, пустился бѣжать, какъ безумный.

Когда онъ добѣжалъ до поворота, отвязанная Мана бросилась за нимъ въ погоню огромными скачками, поднимая пыль.

Торговцы, стоявшіе на повозкѣ, скоро увидѣли, какъ разстояніе между двумя бѣгущими уменьшилось, слышно было, какъ грозный голосъ животнаго становился все рѣзче, неистовѣе, подобно дикому храпѣнію загнанной дичи.

Бѣглець чувствовалъ приближеніе и считалъ себя погибшимъ. Продолжая бѣжать, онъ сталъ тоже испускать крики животнаго. Это было безумное, зловѣщее рычаніе, такое страшное, что ребенокъ, пасшій овецъ, бросился въ сторону, чтобы бѣжать, и попалъ въ торфяное болото.

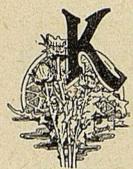
Въ ту же минуту подбѣжала собака; только нѣсколько метровъ отдѣляли ее отъ врага; голосъ ея такъ сразу измѣнился, точно она попала въ огонь; чтобы остановить разбѣгъ, она покатила по землѣ, какъ будто выстрѣлъ изъ ружья ранилъ ее смертельно. Потомъ она приподнялась—рыча, будто жалуясь, что ее разбило невидимое, непреодолимое препятствіе, приходилось помиловать убійцу ея щенятъ! Это было необходимо! Она не могла бѣжать впередъ, не могла оставить ребенка безъ помощи; никакая сила въ мірѣ не принудила-бы ее пройти мимо, никакое другое препятствіе не остановило-бы ее.

Минута, и она была въ водѣ, схватила ребенка, вытащила его на траву и осталась около него; быстро и задыхаясь она лизала его лобъ, чтобы освободить его отъ прилипшихъ волосъ, которые лѣзли въ глаза, лизала его лицо, подергивала одежду и руки.

Когда ребенокъ поднялся, она неопредѣленно посмотрѣла по направленію, куда бѣжалъ охотникъ, и быстро, быстро вернулась къ ребятамъ и повозкѣ, къ своему труду и рабству; встревоженная несчастнымъ случаемъ, она чувствовала угрызенія совѣсти, что покинула свою службу, и вновь принялась за нее съ тихимъ человѣческимъ стономъ боли и любви.

Маленькій газетчикъ.

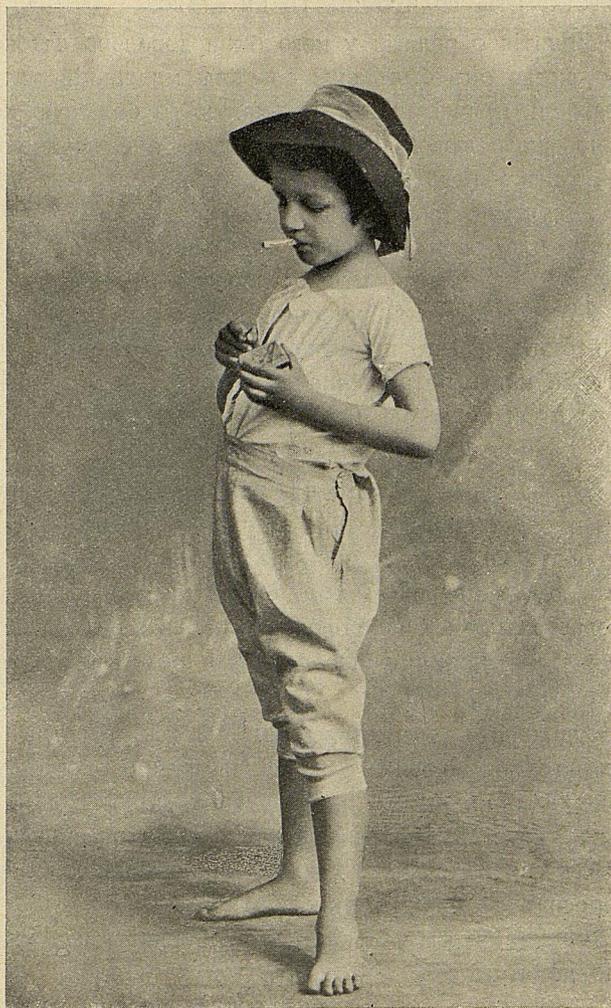
Съ англійскаго. Переводъ В. Магской.

Когда мистеръ Джонъ Хальпинъ началъ продавать газеты на углу двухъ большихъ улицъ въ Чикаго, ему только что исполнилось семь лѣтъ. Онъ былъ самый младшій изъ всѣхъ газетчиковъ и очень этимъ гордился. Теперь ему было уже десять лѣтъ, онъ курилъ папиросы, если только могъ достать ихъ, плевалъ и бранился не хуже взрослому и никогда не отказывался отъ драки, если таковая была неизбѣжна, а неизбѣжной она казалась ему всегда. Два полисмена, постоянно стоявшіе на углу этихъ улицъ, прекрасно знали его въ лицо, такъ какъ имъ постоянно приходилось усмирять его—они уже давно причислили его къ разряду беспокойныхъ шалуновъ, но, тѣмъ не менѣе, одинъ изъ нихъ, Мэттъ Рейли, всегда при этомъ говорилъ, что если бы мальчикъ попалъ въ хорошія руки, если бы кто-нибудь позаботился о немъ, то вся эта наносная грязь улицъ быстро бы сошла съ него и изъ него выработался хорошій парень.

Всякій, кто побывалъ въ Чикаго, вѣроятно, не разъ видѣлъ на углу двухъ большихъ улицъ маленькаго Джона Хальпина. На видъ ему можно дать сразу не менѣе десяти лѣтъ, онъ подвижный и живой, лицо его все усѣяно веснушками, но очень привѣтливо, благодаря парѣ большихъ ясныхъ глазъ, честно и открыто смотрящихъ на свѣтъ Божій, ротъ и подбородокъ у него таковы, что невольно обращаютъ на себя вниманіе. Его рѣзкій, высокій голосокъ слышенъ уже издали.

Какъ и гдѣ онъ выучился читать, для всѣхъ навсегда осталось тайной. Образование свое, главнымъ образомъ, онъ получилъ на галереяхъ теат-

Кнаусъ.

ДУРНОЙ ПРИМѢРЪ.

ровъ, онъ больше любилъ трогательныя и душу раздирающія пьесы, но не отказывался посмотрѣть и хорошій водевиль. Злодѣи, по его понятіямъ, должны были быть уже дѣйствительно злодѣями, и добродѣтель должна была вездѣ торжествовать, во что бы то ни стало.

Понятія о религиі у него были довольно слабыя, онъ помнилъ, какъ очень давно, когда онъ былъ еще совсѣмъ маленькій, мать водила его за руку, хорошо одѣтаго и причесаннаго, въ какую-то большую комнату, гдѣ пахло ладаномъ и было много людей и игралъ органъ, очевидно, это была церковь. Но, съ тѣхъ поръ, какъ у него не стало родителей, онъ уже не бывалъ въ церкви и только разъ, случайно попалъ въ воскресную миссіонерскую школу, да и то только потому, что одинъ изъ его пріятелей, маленькій негръ Кинки Джэксонъ, сказалъ ему, что тѣхъ, кто посѣщаетъ эту школу, берутъ потомъ на пикникъ, гдѣ угощаютъ очень хорошо, а главное, даромъ. Напрасно Лэнъ Джонсонъ, самый близкій его пріятель, отговаривалъ его отъ этого рискованнаго шага. Но герой нашъ не послушался добраго совѣта, онъ рискнулъ все-же идти на общую молитву и не прошло и пяти минутъ, какъ его уже выставили на улицу съ большимъ скандаломъ и позоромъ.

Въ этотъ-же вечеръ произошелъ знаменитый бой между Джономъ Хальпиномъ и обманувшимъ его Кинки Джэксономъ; схватки возобновлялись одиннадцать разъ безъ всякаго успѣха съ той или другой стороны, публики собралось много, всѣ мальчишки этого околотка явились на мѣсто происшествія, но вмѣшательство полицмена положило конецъ интересному зрѣлищу. Въ концѣ концовъ, враги примирились, но странное дѣло съ этого дня неудача стала преслѣдовать ихъ обоихъ.

Однажды вечеромъ, онъ сидѣлъ грустный и унылый на ступеняхъ какого-то общественнаго зданія и мрачно смотрѣлъ передъ собой. Въ карманѣ его не было ни одного пэнни, купить газеты было не на что, а слѣдовательно, нельзя было и рассчитывать на какой-нибудь заработокъ. Вдругъ онъ увидѣлъ своего недавняго врага Кинки Джэксона. Мальчикъ подошелъ къ нему и спросилъ въ видѣ шутки:

— Развѣ ты не боишься опоздать къ ужину, тебя вѣрно ждутъ уже давно дома.

— Докторъ велѣлъ мнѣ сидѣть больше на воздухѣ для возбужденія аппетита,—отвѣтилъ ему въ тонъ маленькій Джонъ Хальпинъ.

Негръ опустился съ нимъ рядомъ на ступени и проговорилъ уже серьезно:

— Шутки въ сторону, когда ты обѣдалъ въ послѣдній разъ?

— Вчера вечеромъ,—былъ чуть слышный отвѣтъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ я счастливѣе тебя,—отвѣтилъ мальчуганъ,—я закусывалъ сегодня утромъ, правда, это былъ только бананъ, который мнѣ удалось стащить у продавца, но, во всякомъ случаѣ, это лучше чѣмъ ничего, впрочемъ, подожди, у меня есть кое-что съ собой.

Онъ порылся у себя въ карманѣ и досталъ окурокъ сигары и спички:

— Вотъ покури,—сказалъ онъ своему недавнему врагу,—все-же это уйметъ нѣсколько голодь.

Хальпинъ закурилъ сигару и, съ видимымъ облегченіемъ, прислонился къ стѣнѣ дома, у котораго они сидѣли. Морщины на его лбу разгладились, лицо потеряло свое мрачное выраженіе, онъ съ удовольствіемъ затягивался сигарой,

полузакрывъ отъ наслажденія глаза. Докуривъ окурокъ до половины, онъ передалъ его негру и тотъ, ни слова не говоря, dokonчилъ ее.

Такъ сидѣли они довольно долго, наконецъ, Хальпинъ спросилъ:

— Тебѣ очень хочется ѣсть?

— Ужасно, мнѣ кажется, будто внутри меня сидитъ волкъ и раздираетъ мои внутренности.

— А мнѣ кажется, что во мнѣ сидитъ не только одинъ волкъ, но и вся его семья, т. е. волчиха съ волчатами. Пойдемъ-ка, братъ, погуляемъ по городу, вѣдь надо будетъ раздобыть, въ концѣ концовъ, денегъ.

Они долго бродили по улицамъ и не разъ протягивали руки за милостыней, но всѣ проходили мимо, даже не глядя на нихъ.

Наконецъ, они подошли къ большому ресторану, ярко освѣщенныя окна котораго привлекли ихъ вниманіе.

— Пожалуйста, зайди, поужинай со мной,—предложилъ важно мистеръ Хальпинъ.

— Нѣтъ, увѣряю тебя я не голоденъ,—отвѣтилъ ему въ тонъ мистеръ Джэксонъ.

Они подошли къ открытому окну и стали смотрѣть внутрь. Лакеи сновали взадъ и впередъ съ подносами, на которыхъ были разставлены разныя вкусныя блюда. Пахло жаркимъ, дичью и дынями, имъ все это казалось какой-то волшебной сказкой. Они не понимали только того, чего медлятъ всѣ эти люди,— они ѣдятъ всѣ, какъ будто, неохотно, читаютъ газеты, разговариваютъ. Особенно ихъ раздражалъ одинъ пожилой господинъ, сидѣвшій около самаго окна, они слышали весь его разговоръ съ лакеемъ, онъ положительно не зналъ, чего бы ему хотѣлось съѣсть, и сидѣлъ, задумчиво перебирая вилку и ножъ. Онъ поднялъ глаза и замѣтилъ обоихъ пріятелей, стоявшихъ у окна, но ничего не сказалъ лакею, хотя, повидимому, ему было и неприятно, что за каждымъ его кускомъ слѣдятъ двѣ пары внимательныхъ глазъ.

— Чего бы ты съѣлъ сначала?—спросилъ Хальпинъ опять Кинки.

— Пожалуй, я съѣлъ бы цыпленка.

— Нѣтъ, это не годится, надо начинать всегда съ супа.

— Хорошо, давай,—проговорилъ негритенокъ, чмокая губами, какъ будто уже вкушая супъ.

— Ну, а теперь чего бы съѣлъ?

— Цыпленка, и даже не одного.

— А можетъ быть, ты предпочелъ лучше хорошій кусокъ ростбифа, вотъ его какъ разъ несутъ сюда.

Такъ переговаривались между собою мальчики, но шутки эти какъ-то странно звучали въ ихъ устахъ. Господинъ у ближайшаго окна слышалъ весь ихъ разговоръ, они говорили вообще такъ громко, что уже многіе въ комнатахъ обратили на нихъ вниманіе. Этотъ господинъ обернулся и внимательно посмотрѣлъ на нихъ. И странно, разорванный рукавъ и грязный галстухъ маленькаго Хальпина заставили его вдругъ глубоко задуматься. Онъ вспомнилъ, что тридцать лѣтъ тому назадъ, онъ самъ походилъ именно на такого мальчика; тридцать лѣтъ тому назадъ, когда онъ убѣжалъ изъ родного дома, чтобы составить себѣ самому состояніе, и дѣйствительно онъ добился своего, но, къ несчастью, тѣхъ, отъ кого онъ бѣжалъ, уже не было больше на свѣтѣ, богатство его не могло никого больше радовать.

Въ это время, вдругъ, слышался насмѣшливый тонкій голосокъ съ улицы: — «не помѣнятся ли намъ съ вами аппетитомъ, господинъ?». Незнакомецъ вышелъ изъ своей задумчивости, взглянулъ въ окно и вдругъ ясно понялъ, что темныя тѣни подъ глазами дѣтей, ихъ блѣдныя худыя лица, лихорадочный блескъ глазъ ихъ говорили о томъ, что оба они чуть не умираютъ отъ голода.

Лакей бросился къ дверямъ, но негръ уже исчезъ и Джонъ Хальпинъ и господинъ у стола пристально смотрѣли теперь другъ на друга, очутившись совсѣмъ лицомъ къ лицу; господинъ, наконецъ, вскочилъ и бросился за лакеемъ. Забывъ, гдѣ онъ, не помня себя, онъ кричалъ на всю улицу:

— Остановите его, ради Бога, остановите!

Оба мальчика, какъ молодыя антилопы, бросились бѣжать по улицѣ.

— Держите вора!—крикнулъ кто-то изъ переулка и одинъ изъ кучеровъ протянулъ кнутъ и ударилъ маленькаго негра по ногамъ, тотъ свалился, какъ снопъ, прямо на панель.

Хальпинъ оглянулся и увидѣлъ, какъ господинъ во фракѣ нагнулся, поднялъ Кинки на руки и понесъ его куда-то, окруженный толпой. Джонъ, не останавливаясь, бѣжалъ дальше, наконецъ, онъ увидѣлъ открытое окно въ подвалѣ съ каменнымъ углемъ, онъ прыгнулъ туда и притаился, прислушиваясь, не гонятся ли за нимъ, но все было тихо; немного погодя, мальчикъ вышелъ изъ своей засады и тихо побрелъ по улицамъ. Но гдѣ же былъ Кинки?

Становилось уже поздно, люди спѣшили въ театры, по улицамъ то-и-дѣло катились экипажи, въ которыхъ виднѣлись богато-разодѣтыя дамы и мужчины въ черныхъ фракахъ. Хальпинъ шелъ все впередъ, куда—онъ и самъ не зналъ. Голова его болѣла, онъ ничего не могъ придумать, голодъ снова мучилъ его съ удвоенной силой. Отчаяніе напало на него.

— «Кому я причинилъ какое-либо? За зло Богъ наказываетъ меня?—думалъ онъ съ горечью,—я всегда былъ честенъ и никогда въ жизни ничего не кралъ, ахъ, хоть бы кто-нибудь помогъ мнѣ!

Но всѣ проходили мимо, помощи ждать было неоткуда. На улицѣ было пусто и только въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него шелъ какой-то мальчикъ, босой и съ непокрытой головой, въ рукахъ онъ несъ оловянную посудину, которую держалъ очень бережно.

Вдругъ, въ головѣ Джона мелькнула мысль. — Да, вѣдь, этотъ мальчикъ несетъ ужинъ. Я знаю, въ убѣжищѣ для бѣдныхъ раздадутъ бесплатные обѣды и ужины въ такихъ посудинахъ. Можетъ быть, въ ней горячее молоко или даже мясо. А мальчикъ такой маленькій и слабый! Ограбить его ничего не стоитъ,—это, вѣдь, малютка. Хальпинъ, совсѣмъ, машинально, пошелъ за нимъ. Ему почему-то пришло въ голову, что теперь такъ темно, что легко можно было скрыться гдѣ-нибудь подъ воротами и чего ради онъ станетъ жалѣть этого мальчика, вѣдь его самого никто не жалѣетъ? Но если онъ ограбитъ этого ребенка, онъ уже не сможетъ сказать про себя, что онъ честный человекъ. Но почему же? Развѣ кто-нибудь узнаетъ объ этомъ? Мальчикъ, правда, такой маленькій, но развѣ онъ, Джонъ, виноватъ, что умираетъ съ голоду, да умираетъ, онъ это чувствуетъ!.. Каждый долженъ заботиться о себѣ. Конечно, лучше если бы этотъ мальчикъ былъ больше и сильнѣе, тогда можно было бы честно сразиться съ нимъ, и лицо Хальпина омрачалось все больше и больше; вотъ они вошли въ узкій и темный переулокъ: онъ, почти, нагонялъ свою жертву, онъ даже слышалъ ея усталое, тяжелое дыханіе,

уже готовъ былъ броситься и выхватить драгоценную посудину, но, въ эту минуту, вдали, показался полисмень, очевидно,—сама судьба не хотѣла, чтобы онъ оказался воромъ и грабителемъ. Хальпинъ спрятался подъ ворота и остался стоять, съ громко бьющимся сердцемъ. Въ это время маленькій мальчуганъ впереди подошелъ къ какому-то дому и позвонилъ внизу у воротъ, отвѣта не было; тогда онъ дернулъ звонокъ обѣими руками, отвѣта опять не было. Хальпинъ тихо выбрался на улицу и подкрался ближе къ нему, какая-то смутная надежда охватила его душу.

Позвонивъ еще нѣсколько разъ, мальчуганъ поставилъ посудину на панель и юркнулъ въ какую-то маленькую калитку около воротъ.

Джонъ Хальпинъ бросился къ воротамъ и схватилъ посудину, — минуту спустя онъ уже сидѣлъ у сосѣдняго дома, причемъ закрылъ своей шляпой стоящую передъ нимъ посудину. Въ это время вернулся мальчуганъ; онъ испуганно сталъ оглядываться кругомъ, искалъ около воротъ, отошелъ еще нѣсколько шаговъ дальше и, вдругъ, залился отчаяннымъ плачемъ.

Хальпинъ сидѣлъ, вдыхалъ чудный аромать мяса, поднимавшійся изъ миски, стоявшей передъ нимъ и молча слушалъ, какъ плакалъ ребенокъ. На душѣ его было тяжело, но онъ рѣшилъ ни за что на свѣтѣ не разставаться съ своей добычей, хотя сердце подсказывало ему, что онъ долженъ это сдѣлать.

Наконецъ, онъ не выдержалъ, и, такъ какъ рыданія становились все громче, спросилъ?

— Чего ты такъ реवेशь? Что съ тобой случилось, малышъ?

Ребенокъ поднялъ голову, увидѣлъ его и сказалъ:

— Я потерялъ папинъ ужинъ, я потерялъ папинъ ужинъ.

— Я на твоёмъ мѣстѣ не сталъ бы реветъ теперь,—подожди, пока тебя выпорютъ, а потомъ и реви.

— Я реву не оттого, что меня выпорютъ,—отвѣтилъ мальчикъ, жалобно глядя на Джона,—ахъ, лучше бы папа выдралъ меня, но онъ такъ слабъ, что даже этого не можетъ сдѣлать.

— Полно реветъ,—со злостью перебилъ его Хальпинъ,—отправляйся въ убѣжище, тебѣ тамъ дадутъ второй обѣдъ.

— Нѣтъ, тамъ больше не дадутъ, да и этотъ обѣдъ вѣдь стоилъ цѣлыхъ пять центовъ. Это, собственно, крѣпкій бульонъ для папы, а у меня больше нѣтъ денегъ,—безъ денегъ ничего не дадутъ,—и мальчикъ снова залился горькими слезами.

Хальпинъ чувствовалъ, что, если бы изъ миски не пахло такъ вкусно, онъ давно бы уже отдалъ ее, но теперь аромать теплаго супа такъ вкусно щекоталъ его ноздри, что онъ былъ не въ состояніи вернуть украденнаго.

Мальчикъ рыдалъ все громче, наконецъ, Хальпинъ не выдержалъ и сказалъ:

— Подожди, малышъ, я поищу твою миску.

И, зажавъ себѣ ноздри, чтобы не слышать запаха мяса, онъ всталъ съ своего мѣста, поднялъ шляпу и одѣлъ ее на голову.

— Вотъ твоя миска, бери ее, я только пошутилъ!

Борьба кончилась. Онъ вышелъ побѣдителемъ изъ нея, на душѣ его было легко и свѣтло, но тѣло его ослабѣло до крайности. Ему казалось, что все вертится передъ глазами. Одну минуту онъ думалъ, что умираетъ. Но, посидѣвъ немного, оправился и пошелъ дальше по направленію къ тому дому, гдѣ ютился по ночамъ. Онъ жилъ въ подвалѣ и спалъ въ большой тачкѣ, гдѣ у

него всегда хранилось два старыхъ потрепанныхъ одѣяла. Одно изъ одѣялъ онъ подложилъ подъ себя, другимъ накрылся и рѣшилъ скорѣе заснуть, чтобы не чувствовать голода. Ему снилось, что онъ сидитъ за богато накрытымъ столомъ и протягиваетъ руку за какимъ-то вкуснымъ блюдомъ, какъ вдругъ, его кто-то схватилъ за плечо со словами.

— Проснись, проснись поскорѣе!

— Подожди минуту, — сквозь сонъ проговорилъ мальчикъ, — дай только поѣсть немного, подожди.

Но чья-то энергичная рука продолжала трясти его. Онъ, наконецъ, пришелъ въ себя и увидѣлъ передъ собой пропавшаго Кинки Джэксона, въ рукахъ тотъ держалъ огромный кусокъ пирога съ вареньемъ.

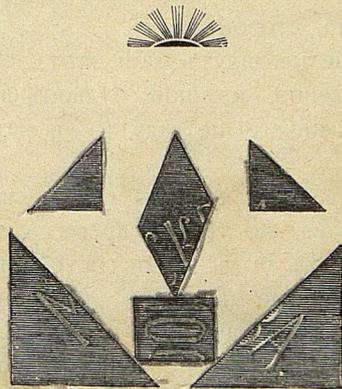
Въ одну секунду Хальпинъ схватилъ пирогъ и сталъ уничтожать его съ жадностью, пальцы его были скоро красные, точно перемаранные въ крови. Когда онъ нѣсколько насытился, онъ отрывисто спросилъ:

— Ты гдѣ его стибрилъ?

— Нигдѣ, я купилъ его въ лавкѣ, — и съ этими словами пріятель его важно усѣлся съ нимъ рядомъ и сталъ рассказывать по порядку, какъ господинъ изъ ресторана поднялъ его на улицѣ и не только накормилъ его, но и далъ ему еще денегъ, — такъ что завтра мы не только пообѣдаемъ съ тобой, — закончилъ онъ весело, — но купимъ снова газетъ и заживемъ по старому, дружище!

Хальпинъ молча лежалъ въ своей тачкѣ, изъ глазъ его текли обильныя слезы; пока онъ хотѣлъ ѣсть, онъ мужественно боролся съ собой и не плакалъ, но теперь онъ ничего не могъ подѣлать, хотя считалъ большимъ позоромъ для себя эти слезы.

— Пожалуйста, не говори о нихъ никому, — прошепталъ онъ чуть слышно, поворачиваясь лицомъ къ стѣнѣ, и, завернувшись въ одно одѣяло съ своимъ другомъ, онъ прислонился головой къ нему и оба они уснули, полные самыхъ радостныхъ надеждъ въ будущемъ.

Разсыпавшаяся мозаика.

На рисунокѣ вы видите разсыпавшіеся кусочки, на которыхъ что-то написано. Желательно, чтобы вы подобрали ихъ и прочитали написанное слово.

ЧАСЫ.

Разсказъ Д. Крафта.

Часы далеко не такъ жестокосердечны и неотзывчивы, какъ это обыкновенно предполагають.

И если они часто отказываютъ дѣтямъ въ просьбѣ продолжать игру или не даютъ понѣжиться утромъ въ постели, показывая своими стрѣлками, что пора отправляться на уроки, то значить ихъ просятъ о невозможномъ, и высокое чувство долга, чувство чести не позволяютъ имъ пренебрегать своими обязанностями ради удовольствія другихъ.

Но какъ много могутъ дать часы тѣмъ, кто дорожить каждой минутой во время работы, тѣмъ, отъ кого зависить и свое счастье и счастье другихъ.

* * *

— Да, — сказалъ докторъ, смотря на каминные часы, — я могу дать вамъ полчаса, только полчаса. Ребенокъ вашъ быстро слабѣетъ и, спустя полчаса, его не станетъ — онъ дольше жить не можетъ.

Бѣдная мать взглянула на часы, тихо, умоляюще обратилась къ доктору:

— Если вы не можете помочь, то оставьте въ такомъ случаѣ насъ однихъ, докторъ; я хотѣла-бы эти полчаса быть одна.

Докторъ въ знакъ согласія слегка наклонилъ голову, нагнулся посмотреть еще разъ на своего маленькаго пациента и вышелъ изъ комнаты.

Мать медленно приблизилась къ кровати ребенка и, опустившись на колѣни, у подушекъ, тихо зашептала надъ ухомъ своего сына длинную молитву о мирѣ и успокоеніи.

Сурово и непреклонно тикали, продолжая свой ходъ, часы, и, жестоко улыбаясь на происходящую сцену, которую они сторожили, казалось, въ этой жестокости находили силы сдержатъ себя отъ рыданій.

Каждый ударъ маятника приближалъ бѣднаго маленькаго мальчика все ближе къ смерти, — вѣдь никогда еще часамъ не случилось задержать свой немолчаливый, не ослабѣвающій ходъ и дать матери нѣсколько лишнихъ минутъ — наиболѣе драгоценныхъ въ теченіе всей ея жизни.

Наконецъ, она поднялась и подошла къ камину.

Холодно улыбались часы, показывая послѣднія пять остающихся минутъ и бѣдная женщина съ глубокимъ рыданіемъ возвратилась къ своему посту.

Вдругъ, внезапно часы замолкли. Умышленно или нѣтъ, но они остановились, и пять короткихъ минутъ растянулись на 5 длинныхъ часовъ, которые мать просидѣла у постели, обнимая своего ребенка, когда, наконецъ, его ровное, спокойное дыханіе сказало ей, что онъ *живъ*.

Утромъ, когда она подошла къ камину, улыбка озарила ея лицо.

— Боже! — сказала она, — въ то время, какъ радость наполняла ея сердце, — безъ сомнѣнія, я забыла завести часы въ понедѣльникъ утромъ. Не удивительно, что они остановились.

Но она никогда не завела ихъ снова, и эти пять минутъ никогда не были закончены.

Часы отдали свою жизнь за жизнь ея мальчика.

РЕБУСЪ.

ГОРЕ ШАРМАНЩИКА.

ОТЧЕ НАШЪ!

Отчего инымъ людямъ худо живется.

Слышали ли вы, дѣти, что-нибудь о людяхъ, живущихъ въ тюрьмѣ? Знаете ли, что такое тюрьма?

Почти во всѣхъ большихъ и маленькихъ городахъ есть домъ, высокій, мрачный, съ желѣзными рѣшетками въ окнахъ, съ воротами, запертыми тяжелыми желѣзными засовами, съ вооруженными солдатами, стерегущими всѣ входы и выходы. Внутри этого дома, устроенъ длинный коридоръ и по сторонамъ коридора виднѣются опять-таки запертые двери. Онѣ ведутъ въ комнаты, по большей части темныя, грязныя; впрочемъ, если бы онѣ были и чисты, то людямъ жилось бы въ нихъ не веселѣе. Люди эти лишены свободы: они не могутъ идти, куда захотятъ, часто по цѣлымъ годамъ не видятся ни съ кѣмъ изъ своей семьи и не знаютъ ничего о ней. Живутъ они иногда по нѣсколько человѣкъ въ одной комнатѣ, иногда каждый имѣетъ свою отдѣльную комнату или камеру. Мѣсяцы, годы сидятъ они тутъ, и ни разу не приходится имъ ни съ кѣмъ поговорить по душѣ. Нѣкоторые изъ живущихъ въ тюрьмѣ занимаются разными работами, оставаясь, впрочемъ, постоянно подъ строгимъ присмотромъ; другіе же, преимущественно имѣющіе отдѣльныя помѣщенія, не могутъ даже и работать. Ни физическій трудъ, ни книга, ни рѣчь живого лица не разнообразятъ ихъ жизнь. Какъ вы думаете, весела ли она?

Что же доводитъ людей до такой жизни, до «мертваго дома», какъ справедливо назвалъ тюрьму одинъ изъ русскихъ писателей? *.

Лачуги ветхія, бѣдныя, грязныя, и подвалы большихъ, богатыхъ густонаселенныхъ домовъ—вотъ мѣста жительства нуждающагося люда, перебивающагося изо дня въ день, сегодня не знающаго, какъ пропитаться завтра, промышляющаго самымъ тяжелымъ, самымъ грязнымъ трудомъ, или нищенствомъ, или же, наконецъ, воровствомъ и обманомъ. Нѣтъ простора, нѣтъ воздуха, нѣтъ свѣта этому люду, и жметъ онъ неимоверно въ своихъ тѣсныхъ душныхъ каморкахъ, часто холодныхъ, сырыхъ, угарныхъ. Родящіяся тутъ дѣти умираютъ въ огромномъ количествѣ, не доживши даже до году: они не выносятъ дурного воздуха, которымъ имъ приходится дышать, слабые желудки не перерабатываютъ грубую пищу, какою, за неимѣніемъ лучшаго, угощаетъ бѣдная мать своего ребенка, когда у него только-что прорѣзаются зубки. Но все-таки дѣти умираютъ не всѣ; инья переносятъ невзгоды, достающіяся на ихъ долю во время младенчества, и остаются жить. Подрастаютъ они постепенно, и, только-что вставъ на ноги, уже въ значительной степени предоставляются своимъ собственнымъ силамъ. Досугъ ли кому ухаживать за ними! Добываніе насущнаго хлѣба—вотъ главная забота взрослыхъ, и времени свободнаго, которое родители могли бы посвятить дѣтямъ, у этихъ людей нѣтъ. Взаимныя отношенія ограничиваются здѣсь тѣмъ, что родители кормятъ дѣтей, уступая имъ долю своего скуднаго пропитанія, въ сердитый часъ щедро награждаютъ бранью, толчками и колотушками и рѣдко, рѣдко ласкаютъ. Нѣжности мало бываетъ въ характерѣ полуголодныхъ, изнуренныхъ людей.

Рано начинаетъ ребенокъ промышлять нищенствомъ—кормить его тяжело и вотъ его посылаютъ протягивать руку за милостыней. Часто въ это время еще не тверда его походка. Осторожности еще у него никакой нѣтъ: не боится онъ ни несущейся вскачь прямо на него лошади, ни злой собаки, недружелюбно скалящей зубы на ребенка, когда ему случается очутиться близъ нея. Съ наслажденіемъ топчется онъ босыми ногами въ лужѣ. Но за различными удовольствіями, представляющимися ему на улицѣ, гдѣ можно глазѣть на все и на всѣхъ, онъ не долженъ забывать своего дѣла—сбора милостыни. Понимаетъ ребенокъ, что надо принести больше, что онъ тогда будетъ сытѣе, да и колотушекъ лишнихъ не получить. И вотъ постепенно онъ пріучается настоятельнѣе приступать къ прохожимъ, звончѣе выкрикивать свое «Христа ради» и выманывать милостыню, чѣмъ только возможно, а чаще всего обманомъ. Скоро выучивается ребенокъ называть себя сиротой, чтобы побольше разжалобить прохожихъ. Впрочемъ, часто это бываетъ и не ложь: изъ числа дѣтей нищихъ есть огромное количество дѣйствительно сиротъ, не имѣющихъ отца и матери.

Нечего и говорить, что положеніе такихъ дѣтей еще хуже; чужіе люди или родственники, у которыхъ имъ приходится жить, не имѣютъ никакой охоты кормить ихъ и обходятся съ ними грубо. Рѣдко слышитъ доброе слово ребенокъ, мало видитъ хорошихъ примѣровъ. Люди, среди которыхъ живетъ онъ, или добываютъ себѣ кусокъ хлѣба тяжелой работой, или промышляютъ воровствомъ, часто дѣлая и дѣтей своими сообщниками въ этомъ ремеслѣ.

Не всякое воровство удается. Воровъ ловятъ. Попадаются взрослые, попадаютъ и дѣти. И вотъ ихъ всѣхъ, какого бы возраста они ни были, отводятъ въ острогъ, въ тюрьму. Тамъ онъ видится съ дурными людьми, окончательно портится, заражаясь примѣромъ, привыкая смотрѣть на дурное дѣло, какъ на удалъ. Съ восторгомъ слушаетъ онъ разсказъ записнаго вора о всѣхъ его похожденияхъ, разсказъ часто разукрашенный, и эти похождения представляются такими интересными. вмѣстѣ съ разсказчикомъ смѣется онъ надъ простодушіемъ какой-нибудь несчастной жертвы, которой случилось дорого заплатить за свою неосторожность и довѣрчивость; мечтаетъ, что хорошо бы вырваться на свободу и потѣшиться въ свою волюшку. Въ правѣ ли онъ, нѣтъ ли—присвоивать себя чужую собственность, жить на чужой счетъ, онъ объ

*) О. М. Достоевскій.

этомъ не думаетъ. Ему не жалко тѣхъ, о чьихъ несчастіяхъ онъ слышитъ... Что ему! Вѣдь его самого никто не жалѣетъ.

День за днемъ проходитъ, и, наконецъ, высидѣвъ въ тюрьмѣ свой срокъ, молодой арестантъ выпускается на свободу. За трудъ онъ приняться не можетъ, такъ какъ къ труду не привыкъ, да и мало найдется людей, которые захотѣли бы нанять на какую-нибудь работу юношу или дѣвушку, выпущенныхъ изъ тюрьмы. Всякій предпочтетъ услуги человѣка, слывущаго честнымъ, услугамъ того, кто попался въ мошенничествѣ.

А между тѣмъ этому, сидѣвшему въ тюрьмѣ за мошенничество, надо же что-нибудь ѣсть. Если прежде, когда онъ былъ совсѣмъ ребенкомъ, у него не находилось людей, которые бы о немъ позаботились, то кто же войдетъ въ его положеніе теперь, когда онъ подростъ? И вотъ для добыванія насущнаго хлѣба открыты выпущенному арестанту только два пути: нищенство и мошенничество. Но нищему, выросшему выше чѣмъ на аршинъ отъ земли, подаютъ неохотно, дѣлая замѣчаніе, что лучше бы онъ занялся работой, не разсуждая, кто дастъ ему эту работу, кто научитъ за нее приняться и полюбить ее. И остается на его долю только воровство. И дѣйствительно, за него онъ и принимается, стараясь обдѣлывать на этотъ разъ свои дѣла ловчѣе и осторожнѣе, чѣмъ въ годы неопытности. Такимъ образомъ, маленькій воръ превращается въ большого вора; постепенно становится онъ все смѣлѣе и безсовѣстнѣе, предпринимаетъ мошенничества все болѣе и болѣе значительныя и почти всегда кончаетъ тѣмъ, что опять попадаетъ въ тюрьму. На этотъ разъ онъ уже смотритъ на нее, какъ на старую знакомую, не пугается и смѣется надъ своей неудачей. Онъ уже окончательно испорченъ, съ воровствомъ онъ сжился. Теперь проскитается онъ до конца своей жизни, переводимый изъ тюрьмы въ тюрьму, презираемый всѣми, чужой для всѣхъ. Повстрѣчайся съ кѣмъ-нибудь на улицахъ города арестантъ въ своей казенной сѣрой одеждѣ изъ грубаго сукна—его испугаются, отъ него побѣгутъ, какъ отъ вырвавагося изъ клѣтки дикаго звѣря. Не иначе, какъ въ сопровожденіи вооруженныхъ солдатъ, случается арестанту пройти по улицѣ.

А, вѣдь, могъ бы онъ быть и не такимъ! Могъ бы онъ прожить свою жизнь, какъ живутъ всѣ порядочные люди. Для этого ему только нужно было бы имѣть въ дѣтствѣ теплый, свѣтлый уголъ, готовый кусокъ хлѣба и чистое платье. Для этого ему нужно было бы въ извѣстные годы, т. е. начиная лѣтъ съ восьми, ходить въ школу, сидѣть тамъ за своей книжкой, не думая, что дома нечего ѣсть, что тамъ ждутъ брань и побои. Будь это доступно для всѣхъ дѣтей, многимъ людямъ жилось бы лучше. Но объ этомъ еще мало думаютъ.

Въ Германіи, во Франціи, въ Англіи нашлись люди, которые поняли, что дѣтей, пойманныхъ на какомъ-нибудь дурномъ дѣлѣ, не слѣдуетъ помѣщать въ тюрьмы, гдѣ они отъ бездѣйствія и отъ дурныхъ товарищей изъ взрослыхъ, окончательно портятся, но что, напротивъ, ихъ слѣдуетъ исправлять, приучать къ труду, сдѣлать изъ нихъ честныхъ работниковъ. Съ этою цѣлью стали устраиваться особенныя заведенія, такъ-называемыя исправительныя колоніи. Заведенія эти устраиваются за городомъ и ничѣмъ не напоминаютъ тюрьму. Это просто селенія или деревеньки, состоящія изъ многихъ незатѣйливыхъ, но чистыхъ домиковъ. Въ каждомъ изъ этихъ домиковъ живетъ одинъ, такъ называемый, воспитатель, которому и поручаютъ отъ 10 до 12 или 15 человѣкъ дѣтей. Къ селенію обыкновенно прилегаютъ поля, засѣяныя хлѣбными растеніями; поля эти обрабатываются дѣтьми подъ руководствомъ воспитателей; дѣти же занимаются и разведеніемъ овощей въ огородѣ. Впрочемъ, не все время уходятъ на полевыя работы: остается его и на долю школы, которую дѣти посѣщаютъ всегда охотно, такъ какъ преподаваніе тамъ ведется толково, дѣтей стараются заинтересовать ученіемъ, заставить полюбить его. Въ праздники, послѣ обѣдни, колонисты пользуются полнымъ отдыхомъ, играютъ. Надо прибавить, что и тотъ трудъ, которымъ заняты они въ будни, не тяжелъ для нихъ, напротивъ, онъ укрѣпляетъ ихъ, развиваетъ въ нихъ ловкость, пробуждаетъ хорошій аппетитъ: аппетитъ этотъ удовлетворяется вполне пищей не роскошной, но сытной и и чисто приготовленной. Быстро привыкаютъ новоприбывшія дѣти къ жизни въ

колоніи; не долго смотрятъ они съ недоувѣріемъ на окружающихъ ихъ людей и на предлагаемыя имъ занятія. Они постепенно свыкаются съ общимъ образомъ жизни, имъ хочется не отставать въ работѣ отъ другихъ товарищей, имъ пріятно видѣть, какъ пускаютъ ростки сѣмена, собственными руками брошенные въ землю, какъ потомъ спѣютъ и наливаются колосья. Овощи, выращенныя и собранныя въ собственномъ огородѣ, кажутся вкуснѣе всѣхъ другихъ. Дѣтямъ мало работы въ полѣ—хочется разводить свой собственный садикъ, посадить въ него цвѣтотъ, и вотъ малу-по-малу раскидываются передъ окнами домиковъ красивые цвѣтники. Воспитатели, по большей части люди молодые, только-что кончившіе гдѣ-нибудь курсъ, живутъ дружно съ дѣтьми. И подъ ихъ хорошимъ вліяніемъ дѣти перерождаются. Они отвыкаютъ отъ дурныхъ привычекъ и въ нихъ укореняется любовь къ труду. Проведя тутъ года четыре, они выходятъ, чтобы наняться на мѣста, которыя имъ отыскиваетъ начальство заведенія. Ихъ не избѣгаютъ, какъ избѣгаютъ выпущенныхъ изъ тюрьмы; напротивъ, сельскимъ хозяевамъ по опыту извѣстно, что работники изъ бывшихъ колонистовъ—работники хорошіе, честные, искусные. Большинство изъ нихъ и въ послѣдствіи не прекращаетъ сношеній со своими бывшими воспитателями, спрашивая иногда совѣта, какъ поступить въ томъ или другомъ случаѣ.

У насъ въ Россіи подобныхъ исправительныхъ заведеній для дѣтей, за исключеніемъ Петербурга, почти нѣтъ.

Итакъ, теперь заботятся о томъ, чтобы исправить ребенка, случайно дошедшаго до преступленія; его выводятъ на истинный путь, когда онъ заблудится. Но этого слишкомъ недостаточно; нужно постараться о томъ, чтобы, насколько возможно, предохранять каждаго отъ заблужденія, чтобы не давать ему портиться; тогда и исправлять не понадобится бы.

Сознавая, что невѣжество есть одно изъ главныхъ золъ, способствующихъ порчѣ людей, нѣкоторые пробуютъ бороться съ нимъ, заботясь объ увеличеніи числа школъ для бѣдныхъ. Въ Лондонѣ, на примѣръ, есть такъ называемыя школы оборванцевъ, онѣ основаны обществомъ людей, имѣющихъ благоу цѣль научить, чему будетъ возможно, жалкихъ жителей богатаго, громаднаго города. Въ этомъ городѣ—нищихъ, бродягъ, мелкихъ воришекъ множество. Тутъ преподаватели и преподавательницы ничего не получаютъ за свой трудъ—они предлагаютъ его даромъ всякому, кто пожелаетъ имъ воспользоваться. Поступить въ такую школу легко; всякій нищій приходитъ и занимаетъ мѣсто, не спрашиваясь ни у кого, не называя себя никому. Никто не попробуетъ узнать, чѣмъ промышляетъ онъ за стѣнами школы.

Лондонскіе нищіе и мелкіе воришки—люди чрезвычайно дерзкіе, смѣлые и назойливые; такими они приучаются быть съ дѣтства. Попытка привлечь ихъ въ школы, заинтересовать ученіемъ сначала казалась напрасной. Но вотъ наступилъ день открытія. Этотъ день былъ заранѣе объявленъ афишами, отпечатанными въ огромномъ числѣ и вывѣшенными на всѣхъ перекресткахъ. Явилась толпа мальчиковъ и дѣвочекъ—грязныхъ, покрытыхъ лохмотьями; но не учиться намѣревались они. Нѣтъ! самое понятіе объ ученіи не существовало для нихъ. Имъ только любопытно было поглядѣть, что это такое затѣваютъ господа. Нищихъ тѣшило то, что ихъ, оборванныхъ, попу-нагихъ, голодныхъ, хотятъ чинно засадить за учебные столы, какъ послушныхъ, выкормленныхъ, выхоленныхъ дѣтей! Изъ нихъ многіе принадлежатъ уже къ самымъ ловкимъ мошенникамъ, а имъ хотятъ предложить самое ребяческое дѣло! Однако, какъ ни смѣшны казались имъ сначала эти пустыя затѣи, а мало-по-малу терпѣніе людей, взявшихся за такое предпріятіе, одержало верхъ: многіе изъ нищихъ стали учиться. И, въ числѣ ихъ, были не одни дѣти, но и взрослые. Число учащихся растетъ и теперь. Оно уже дошло до огромной цифры.

Пусть люди богатые позаботятся о томъ, чтобы, удѣливъ свой излишекъ, доставить хоть сколько-нибудь сносную жизнь бѣднякамъ, и тогда дурныя дѣла станутъ совершаться рѣже и число тюремъ уменьшится значительно.

Е. С—ва.

П л а в а н і е .

Изо всѣхъ физическихъ упражненій, плаваніе можно считать самымъ полезнымъ. Оно развиваетъ мускулы, благотворно дѣйствуетъ на нервную систему и, вообще на весь организмъ человѣка. Древніе, въ особенности греки, такъ высоко цѣнили это искусство, что присуждали награды лучшимъ плавальщикамъ.

Искусство плавать далеко не такъ трудно, какъ кажется съ перваго раза. Прежде всего требуется отъ начинающаго извѣстная доля самоувѣренности (только не опрометчивости, могущей вовлечь въ опасность), — тогда всѣ трудности легко преодолеваются. Искусный пловецъ, д-ръ Франклинъ, совѣтуетъ начинающему сперва ознакомиться со свойствомъ воды поддерживать тѣло. Для этого онъ долженъ войти въ воду по грудь, обернуться къ берегу и опустить на дно рѣчки яйцо, или какойнибудь бѣлый предметъ, легко видный въ водѣ; затѣмъ онъ долженъ нырнуть, съ открытыми глазами, и достать опущенный предметъ. Опасности тутъ нѣтъ никакой, такъ какъ у берега мельче, и начинающій, во всякое время, можетъ встать на ноги. Опытъ этотъ сразу уничтожить робость. Учащійся убѣдится въ силѣ и упругости воды, и не станетъ относится къ ней съ прежнимъ недоувѣріемъ.

Упругость воды можетъ быть доказана многими способами: напримеръ, камень, который на сушѣ съ трудомъ могутъ сдвинуть два человѣка, на водѣ легко передвигается однимъ.

Увѣренность въ упругости воды помогаетъ человѣку въ плаваніи и можетъ предотвратить его отъ утомленія. Человѣческое тѣло не многимъ тяжелѣе воды, которую вытѣсняетъ, и, потому, при легкомъ движеніи рукъ подъ водой, можетъ свободно оставаться на поверхности воды. Если же грудная полость человѣка наполнена воздухомъ, то тѣло его становится легче воды; слѣдовательно, утопающій долженъ только повернуться на спину, чтобы лицо его было на поверхности воды. Тогда, посредствомъ вдыханія въ себя воздуха, онъ совершенно безопасенъ отъ утопленія.

Но, чтобы плыть на спинѣ, надо строго слѣдить, чтобы руки или другія части тѣла не выходили изъ воды. Въ такихъ случаяхъ необходимо сохранить все присутствіе духа, потому что, въ минуту опасности, естественнымъ побужденіемъ человѣка есть протянуть руки за воображаемымъ спасеніемъ, чѣмъ лишается возможности дожидаться дѣйствительной помощи, оставаясь на поверхности воды.

Это объясняется очень просто: въ водѣ тѣло человѣка легче, а, вынувъ изъ воды одну часть его, мы этимъ придаемъ тяжесть всему тѣлу, вслѣдствіе чего оно и тонетъ.

Но, держаться на водѣ еще не плаваніе,—это лишь средство къ спасенію себя отъ гибели.

Плаваніе заключается въ произвольномъ движеніи; объ этомъ-то искусствѣ мы и хотимъ потолковать въ этой статьѣ.

Время и мѣсто для купанья.

Купаться лучше всего утромъ, до завтрака, или часа три спустя, но, ни въ какомъ случаѣ, не слѣдуетъ входить въ воду съ полнымъ желудкомъ, а также усталымъ, вспотѣвшимъ, или съ головной болью; а также во время дождя, когда платье отсырѣло,—отчего легко простудиться.

Для перваго опыта слѣдуетъ выбрать мѣсто въ рѣкѣ или озерѣ, свободное отъ водорослей и тины, съ ровнымъ и твердымъ песчанымъ дномъ, постепенно понижающимся, причемъ не надо заходить выше подбородка. Пловецъ прежде всего долженъ изслѣдовать дно и убѣдиться въ отсутствіи ямъ или водоворота, чрезвычайно опасныхъ для начинающаго.

Прежде, чѣмъ войти въ воду, слѣдуетъ омочить темя, для избѣжанія прилива къ головѣ. Лучше всего окунуться разомъ, затѣмъ подвигаться впередъ, до тѣхъ поръ, пока вода не дойдетъ учащемуся до груди, послѣ чего онъ оборачивается лицомъ къ берегу.

Наклоняясь постепенно впередъ, онъ вытягиваетъ руки, складываетъ ихъ такъ, чтобы большіе пальцы касались другъ друга, а ладони были слегка выворочены и, въ то время, когда подбородокъ касается воды, сильно вдыхать въ себя воздухъ, разводитъ руками, описывая ими полукругъ, пока онъ не коснется его боковъ. Дѣлая это равномерно, онъ найдетъ, что его ноги поднимутся; нѣкоторое время ему удастся продержаться на водѣ.

Разводя руками, онъ подбираетъ подъ себя ноги и, протягивая вторично руки, ровно выпрямляетъ ноги. Въ плаваніи очень важно правильное движеніе ногъ. Оно должно происходить отъ колѣнъ, а не отъ бедеръ; ступни должны быть разъединены и надо ударять ими по водѣ назадъ и впередъ

Плаваніе на спинѣ.

Для этого слѣдуетъ прежде всего перевернуться, что и производится слѣдующимъ образомъ: спускаются рука и нога съ одной стороны, и перекидываются рука и нога противоположной.

Перевернувшись, закидываютъ голову, причемъ все тѣло, исключая лица, должно быть подъ водою, руки же находятся около бедеръ. Чтобы плыть на спинѣ, слѣдуетъ употреблять тѣ же движенія ногъ, какъ при плаваніи на груди.

Чтобы плыть съ большей быстротой, закидываютъ руки за голову, какъ можно дальше, быстро опускаютъ ихъ въ воду и, загребая ее ладонями, доводятъ ихъ однимъ взмахомъ до боковъ, пуская въ ходъ въ то же время и ноги.

При плаваніи необходимъ частый отдыхъ: лучшій отдыхъ послѣ сильнаго и утомительнаго движенія, это конечно переходъ къ неподвижности. Свершается онъ такъ: обернувшись на спину, надо опрокинуть немного голову и выпрямить ноги, которыя, естественно, немного опрокинутся; затѣмъ руки можно вытянуть за голову, или заложить за спину; въ послѣднемъ случаѣ, онѣ поддерживаютъ голову и верхнюю часть туловища, позволяя пловцу свободнѣе дышать.

Окончаніе въ ближайшемъ №.

